

АВТОКРАТОРИССА МАРИЯ АЛАНСКАЯ В СИСТЕМЕ ДИНАСТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ АЛАНИИ, ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ГРУЗИИ

С.Н. Малахов

В статье на основе письменных и сфрагистических материалов исследуются главные страницы биографии византийской императрицы Марии Аланской, сыгравшей большую роль в укреплении алано-византийских и грузино-византийских межгосударственных связей во второй половине XI в. Автократорисса Мария, племянница аланского экскуиатора Дургулея и дочь грузинского царя Баграта IV, в византийском обществе была известна как «аланисса». Рассматриваются причины закрепления за ней этого этнического имени, которое нельзя рассматривать как ошибочное. Мария Аланская сохраняла свою культурную идентичность по материнской линии: в частности, она способствовала расширению алано-византийских связей и укреплению позиций аланской знати в составе господствующего класса Византийской империи. Мария активно участвовала в легитимации династии Комнинов, культурной и церковной жизни византийского общества. Сближение Алании, Грузии и Византии с середины XI – начала XII в. было предопределено единым вероисповеданием и возросшей внешнеполитической угрозой со стороны турок-сельджуков. Матримониальные союзы между правящими династиями соседних держав становились основой для развития тесного военного и политического сотрудничества.

Актуальность статьи определяется ростом исследовательского интереса к проблемам религиозной самоидентификации современных осетин на базе религиозной принадлежности их предков. Новизна исследования определена привлечением новых источников, в частности, данных сфрагистики. Целью статьи является выявление роли Марии Аланской в укреплении международных связей православных государств. Интерес представляет еще и тот аспект, что для средневековых обществ активное политическое участие женщин даже с высоким социальным статусом не было нормой. Тот факт, что до нас дошли свидетельства подобной активности женщины, указывает на ее безусловную неординарность.

Ключевые слова: Алания, Византийская империя, Грузия, автократорисса Мария Аланская, династические связи.

Наиболее яркий пример династических связей правящего дома Алании с Византийской империей и Грузией во второй половине XI в. – судьба византийской императрицы Марии Аланской, дочери грузинского царя

Баграта IV и аланки Борены, которая приходилась племянницей аланскому царю Дургулелю-Гавриилу. Юная Марфа (груз. Марта) во время визита ивирского царя в Константинополь была затребована императрицей Феодорой (1054–1056) и удочерена ею, а неизвестная по имени аланская «княжна» (с придворным званием *севасты*) после смерти Константина IX Мономаха в 1055 г. утратила свое престижное положение при дворе [1, 149–162]. Новой заложнице, теперь уже из Ивирии, Марфе было примерно три года, когда она появилась в столице империи в первый раз. После смерти императрицы Феодоры Марфа была возвращена на родину, но спустя десять лет, в 1065 г., она вновь прибыла в Константинополь, где была помолвлена, а затем выдана замуж за сына Константина X Дуки (1059–1067), будущего императора Михаила VII Дуку Парапинака (1071–1078) [2, 88], сменив имя Марта (Марфа) на брачное имя Мария.

В Житии Георгия Святогорца (Мтацминдели) (1009–1065), настоятеля монастыря Ивирон на Афоне, об этих событиях сообщается, что императрица Феодора «просила царя Баграта дать свою дочь Марфу для воспитания как собственную», а монах Георгий Святогорец предсказал девочке в скором будущем судьбу императрицы [2, 90, 91, 92].

В грузинских источниках Мария Аланская до брака известна как Марта, в греческих – как Марфа, после бракосочетания с Михаилом VII Дукой, соответственно, – как Мариам/Мария, причем в греческих сочинениях императрица неизменно упоминается только как Мария Аланская. Происхождение Марии от смешанного, алано-грузинского, брака вызывало затруднения у византийских авторов в определении ее этнической принадлежности [3, 161–212; 4, 129–140; 5, 146–155; 6, 202–221; 7, 197–199; 8, 91–124].

Современник Марии, писатель Иоанн Цец, отмечал, что ивиры, авасги и аланы составляют как бы одно племя, но ивиры «первенствуют», авасги находятся на втором месте, а аланы числятся третьими в этом порядке [9, V, 588–590]. Поэтому, касаясь родословной Марии, Цец пишет, что она является «авасгиссой», хотя многие современники ошибочно ее называют «аланиссой» [9, V, 592–593; 10, 207–220]. Но знания Иоанна Цеца о Кавказе основаны лишь на смутных семейных воспоминаниях о том, что одна из его бабушек была родом «авасгисса». Акцент на аланском происхождении Марии, который делают греческие источники, не случаен: если ивиры и авасги часто отождествлялись в этнополитическом сознании византийцев, их представляли как бы одним народом, то аланы всегда стояли особняком. Определяя «этническое лицо» Марии, Иоанн Цец, прежде всего, отталкивается от происхождения ее отца и того, что императрица родилась в Ивирии (Грузии), но другие авторы знали об аланском происхождении василиссы и предпочитали указывать ее этническое происхождение по матери.

Родственные связи Марии по материнской линии с аланской династией византийцами никогда не забывались, что и закрепилось в прозвище от этнонимического происхождения. Видимо, зная об этом, хронист Иоанн Зонара пишет, что Мария происходила «из аланов» – ἐξ Ἀλανῶν [11, XVIII, 17]. Этнокон «аланка», закрепленный за императрицей Марией историографической традицией, не следует рассматривать ни как безусловное доказательство того, «что смешение ивиров, авасгов и аланов было обыденным в византийской литературе» [12, 144], ни как навязчивую ошибку византийских источников [13, 88, прим. 258]. Более взвешенной представляется попытка объяснить эту дилемму тем, что между Аланией и Грузией в это время существовало определенное конфессионально-политическое единство [7, 197–198]. Кроме того, Мария, находясь в Константинополе, должно быть, не забывала своих аланских родственников. Воспитанная на женской половине царского двора в Ивирии, Марта-Мария до замужества была окружена, несомненно, аланскими родственниками матери, поэтому за ней и закрепляется прозвище «аланисса». Можно даже предположить, что немногочисленное окружение Марии после замужества в Константинополе в большинстве своем было представлено именно аланами. Среди приближенных императрицы был некий магистр алан из числа «домашних» (наиболее доверенных лиц) Никифора Вотаниата [14, 97; 1, 142–143]. Напротив, ивиров в ее окружении фактически источники не отмечают. Анна Комнина пишет, что Мария в 1081 г. сделала будущего императора Алексея Комнина приемным сыном, а его старшего брата Исаака свойственником не только из-за «привлекательности» этих мужей, но в большей мере из-за того, «что она находилась на чужбине и не имела при себе ни родственника, ни друга, ни соотечественника» [14, 116]. Конечно, подобное объяснение причины породнения императорской семьи с могущественным кланом Комнинов не следует понимать буквально. Мария, став духовной матерью Алексея Комнина, «усыновив» его, надеялась сохранить свое положение василиссы, получить гарантии личной безопасности. В свою очередь через этот ритуал адопции Алексей I Комнин легитимировал переход власти в Константинополе в руки новой императорской династии, выражавшей интересы военной знати. Показательно, что именно «слуги женских покоев» (вероятно, в том числе и родственники по материнской линии из Алании) убеждают императрицу вступить в духовное родство с Комнинами. Духовное родство, считавшееся более важным, чем кровное, в дальнейшем подкрепляется браком Исаака Комнина, брата Алексея, с двоюродной сестрой Марии – Ириной, которая была дочерью эксусиократора Алании [14, 91].

Вторично более чем за триста лет чужестранка стала женой византийского василевса. Первый случай произошел при Льве III Исавре (717–741), который женил в 732 г. своего сына, будущего императора Константина

V (741–775) на Ирине, дочери хазарского кагана. Примечательно, что их сын, император Лев IV (775–780), носил прозвище Хазарин, данное также по этническому происхождению матери [15, 57, 341–342]. Отступление от византийского традиционного правила не заключать брак наследника императора с иноземной принцессой [15, 57], нарушенное императором ради своего наследника Михаила VII Дуки (1071–1078), было вызвано тяжелой внешнеполитической обстановкой на восточных границах. Империя искала военных союзников в лице двух сильных сопредельных государств – Грузии и Алании, правители которых к тому же находились в родственных отношениях.

В это время аланский царь Дургулель (Доргодел) Великий помогал Баграту IV в борьбе против мусульманского Аррана в 1062 и 1065 гг., а также турок Бахрама Ильмиана [см.: 13, 47, 52; 16, 76; 17, 186–187]. В «Матиане Картлиса» сообщается: «Вывел Баграт Доргоделла, царя овсов, с сорокатысячным овским войском, поставил во главе их сына своего куропалата Гиорги, разорил Гандзу и забрал бесчисленное множество пленных и добычи и отправил в царство свое» [13, 58]. После победы в 1065 г. Дургулель посетил грузинского царя в Картли, встретился со своей сестрой Бореной и племянником куропалатом Гиорги (Георгием), аланским гостям был оказан теплый прием, и все они были одарены многочисленными подарками.

При этом войско аланского царя Дургулеля в то время было не только многочисленным (40 тыс.), но и мобильным: так, отправляясь в поход на Арран, аланы прошли через Дарьяльские Ворота, и по завершении военной операции эксусиократор Алании прибыл к своему зятю Баграту IV в Кутаис, затем, возвращаясь после оказанного ему со свитой пышного приема, Дургулель воспользовался уже другим маршрутом – «Абхазской дорогой», пролегавшей через горные перевалы Северо-Западного Кавказа.

После этих событий, между 1066 и 1071 гг., Марта-Мария прибывает в Константинополь и вскоре выходит замуж за наследника Ромейского престола. Ее брак с Михаилом Дукой считается беспрецедентным [8, 94], нарушающим существующую дипломатическую практику империи, а с другой стороны – большим внешнеполитическим успехом грузинского царя Баграта IV, но этот успех был во многом следствием прочного алано-грузинского союза, существовавшего в тот период.

Аннексия сопредельной Армении при Константине IX лишила восточные провинции империи буферной зоны, защищавшей империю от турок-сельджуков. При Алп-Арслане, втором султани сельджуков, турки пересекли Армению, заняли Ани (1065), разорили Киликию, прорвались в Малую Азию и штурмом взяли Кесарию (1067). Император Роман IV Диоген (1068–1071), опиравшийся на иностранных наемников: печенегов, узов, русских, алан, армян, норманнов и франков не смог исправить сло-

жившуюся ситуацию, он был наголову разбит 19 августа 1071 г. в битве при Манцикерте и оказался в плену [18, 424–425; 19, 286].

Мария Аланская, став женой будущего императора Михаила VII между 1066 и 1071 гг., в 1074 г. родила сына Константина, который был помолвлен с Олимпией (Еленой), дочерью норманнского короля Роберта Гвискара, захватившего византийские владения в Южной Италии [20, 100–102]. После провала под Манцикертом византийская армия остро нуждалась в союзниках, чтобы противостоять сельджукам с Востока, латинянам с Запада и, кроме этого, бороться с внутренними мятежами и претендентами на императорский престол. Матримониальные династические союзы, как и практика воспитания и содержания при императорском дворе детей (заложников) из семей правителей сопредельных государств, давали надежду на создание надежного оборонительного пояса вокруг границ Византийской империи или, в случае острой необходимости, использовать их военную помощь.

Когда в 1073 г. в Малой Азии восстал командир норманнских наемников Русель (Урсель де Байоль), решивший посадить на престол кесаря Иоанна Дуку, император, опираясь, вероятно, на родственные связи Марии решил набрать войско в Алании. С вербовочной миссией к *архонту* Алании (τὸν Ἀρχонта Ἀλανίας) был отправлен Михаил Палеолог. Шеститысячное войско прибыло в Понт, но аланы заранее потребовали плату (μισθόν). Власти эти требования сразу удовлетворить не смогли, и аланы почти все вернулись обратно. Борьба с Руселем была возложена на Алексея Комнина, назначенного стратопедархом, а в помощь ему были приданы турки-сельджуки [21, 83.16–84.1]. Но аланы, видимо, не все ушли из Малой Азии: отряд в 150 человек был позднее обнаружен Алексеем Комниным в Амасии [21, 84.16–18].

Образованный, но слабовольный, человек книжной культуры, а не военного склада – Михаил VII не смог удержаться на престоле, был свергнут 7 января 1078 г. престарелым ставленником малоазийской военной знати Никифором Вотаниатом. Супруг автократориссы Марии Аланской, спасая свою жизнь, принял монашеский постриг, удалился в Студийский монастырь, позднее став епископом в Ефесе. Мария с малолетним сыном Константином бежала в Петрион – монастырь Иоанна Предтечи Каменного (Петрийский). Однако Никифор Вотаниат (1078–1081), чтобы легитимировать военный переворот, вступает в родство с императорской фамилией Дук через брак с Марией; его не смутило даже то, что отстраненный от власти Михаил VII Дука Парапинак считался еще официально женатым; поскольку только после ухода в монастырь его союз с Марией оказался расторгнутым [4, 129–140]. Папа Григорий VII за нарушение церковного брачного законодательства предал Никифора III Вотаниата анафеме.

Согласившись на второе замужество, Мария Аланская вновь вернула

себе полномочия императрицы и спасла своего сына Константина, которому был возвращен статус наследника престола. Взаимовыгодный политический компромисс, достигнутый между Никифором Вотаниатом и «самодержицей» Марией был закреплен чеканкой монет с изображением Никифора и Марии как «верных в Боге василевсов Ромеев» [22, 829; 23, 655–656]. Мария использовала свое положение при дворе, чтобы покровительствовать своим кавказским родственникам, как по линии отца, так и матери: в частности, для повышения статуса царей Грузии и Алании, являвшихся союзниками Империи, в византийской придворной табели о рангах.

Родной брат Марии, грузинский царь Гиорги-Георгий II (1072 –1089), незадолго до отстранения от власти и смерти Никифора III Вотаниата, около 1081 г. был отмечен титулом *кесарь*, что указывало на его особую близость к императорской фамилии, до этого он был почтен последовательно придворными званиями *куропалата*, *новелиссима* и *севаста* [8, 99]. Следует отметить, что его отец Баграт IV получил титул *куропалата* около 1031 г. [2, 86–88], а *севаста* в 1060 г. [24, 291]. Двоюродным братом Марии Аланской мог быть сын властодержца Алании Гавриила-Дорголея по имени Константин, известный по печати, найденной в крепости Анакопия в 2015 г. [25, 4–10]. Вокативная надпись указывает на официальную титулатуру отца Константина – «протопроедр и экскусиократор всей Алании» [26, 182–193]. Придворное звание «протопроедра» появляется в Византийской империи на рубеже 1050–1060-х гг., сохраняя значение высокого придворного сана до 1081 г. Его присваивали относительно узкому кругу лиц из числа родственников императора и высших сановников. Хотя после реформы придворных званий, предпринятой Алексеем I Комниным, элитарность этого титула была размыта, а ранговое достоинство девальвировалось. Отец Константина – властодержец Алании – имел титул *протопроедра* в тот период, когда это звание обладало максимальной валентностью. В правление Никифора III Вотаниата только самые приближенные к императору лица удостоивались этого титула. Печать Константина относится, вероятнее всего, к 1068–1078 гг. [27, 259–263] и отражает активные алано-византийские военные и дипломатические связи в период правления византийских императоров Романа IV Диогена (1068–1071) и Михаила VII Дуки (1071–1078). Контакты эти поддерживались через византийскую крепость Анакопию в Абхазии.

Уже отмечалось, что между 1050–1055 гг., вероятно, титулом *севаст* был почтен и аланский царь Дургулель/Гавриил, приходившийся дядей Марии Аланской и Георгию II и являвшийся отцом аланки *севасты*, которая жила при дворе Константина IX Мономаха [1, 158–159; 27, 249–258]. По крайней мере, в начале XII в. экскусиократоры Алании уже носили этот титул, о чем свидетельствует Анна Комнина и сохранившаяся печать се-

васта Росмика (ῚΡωσμίκης /ῚΡωμίσκη), который, вероятно, приходился сыном экскусиоократору Дургулелю [28, 204.15–205.7; 29, №170, 311 – 312]. «Властодержец» Росмик командовал своими соотечественниками, «отважными аланами», в сражениях византийцев против Боэмунда Тарентского в Эпире (Восточная Албания) в 1108 г. [14, 353]. Характерно, что *экскусиократор* Росмик на печати указывает только свой придворный чин – «севаст», но имя предпочитает языческое.

Словесный портрет императрицы Марии, славившейся, по словам современников, своей необыкновенной красотой, приводит в своей «Алексиаде» Анна Комнина – дочь императора Алексея I и несостоявшаяся невестка Марии [14, 119–120]. Кроме того, сохранилось несколько изображений Марии Аланской. В изящно оформленной рукописи Слов Иоанна Златоуста (Парижская Национальная библиотека, Coislin 79, f. 2 bis, verso), исполненной в 1078 г. по заказу Михаила VII Дуки, четыре миниатюры с портретами императора были вырезаны по внутреннему краю рамок и вместо них вставлены миниатюры, посвященные уже Никифору Вотаниату. На второй миниатюре мы видим роскошно одетого Никифора, рядом с ним – его супруга императрица Мария, бывшая жена Михаила VII. Супругов благословляет Иисус Христос. Репрезентативный характер композиции, богато орнаментированные одежды, восточные типы лиц царя и царицы – дань моде того времени и ее идеалам красоты [30, 107–118; 31, 36, 37]. В сильно стертом инициале в форме буквы «М», образованном тремя фронтально стоящими фигурами в царских облачениях, в миниатюрной Псалтири, исполненной около 1080 г. (Гос. Публич. Библиотека, греч. 214, л.1), представлена семья Михаила VII: слева сам василевс, его сын Константин Порфирогенет – посередине, а над правой фигурой императрицы художником указано, что это мать наследника, Мария автократорисса [31, 42–44].

Еще одно портретное изображение Марии представлено на известной эмальерной пластине Хахульского складня-триптиха. Подобные иконы-складни – распространенная форма дара иноземным правителям от византийских императоров. На пластине изображена сцена коронации Михаила и Марии (Мариам), которых венчает Христос, простирая руки над императорской четой. Василевс правой рукой держит лабарум – войсковое знамя, символ власти, а левой – маппу, мешочек с прахом, который символизировал бренность земной власти; а василисса Мария в левой руке держит жезл, увенчанный процветшим крестом. Хахульский складень был, вероятно, привезен в Грузию в 1072 г. в качестве дара Баграту IV после интронизации Марии и Михаила VII Дуки, а портретная пластина исполнена в придворной мастерской [32, 95, табл. XVII; 33, 42].

Известны также три печати с изображением Марии, относящиеся к разным периодам ее жизни: на императорской, самой ранней (1071–1078 гг.), из Археологического музея Стамбула, на лицевой стороне изображен Хри-

стос, восседающий на престоле, на оборотной стороне в репрезентативной форме в рост даны фигуры Михаила VII и Марии, поддерживающие шестиконечный «патриарший» крест [34, 64, 65, № 1. 39]. На второй, фрагментированной печати, на лицевой стороне помещен погрудный образ Христа Эммануила в крестчатом нимбе, на оборотной – Мария в царских одеяниях и округлой уплощенной короне на голове, в ее правой руке наклоненный скипетр с увенчанный трилистником, по кругу восстанавливаемая надпись: «Мария, благочестивая августа» [35, 85, 86, рис. 5, 2]. Печать может быть отнесена к 1078–1081 гг. Еще одна печать с образом Богоматери Никопеи на лицевой стороне и изображением на реверсе Марии императрицы погрудно в анфас [36, 177, илл.18], скорее всего, относится к началу правления Алексея I Комнина. На Марии царские одежды, скрепленные на груди круглой фибулой, широкая полусферическая корона с подвесками, левая рука прижата к груди, а правая держит жезл, увенчанный процветшим крестом (такой же скипетр представлен на пластине Хухульского складня), на печати надпись – «Мария севаста».

При Алексее I Комнине Мария жила в императорском дворце как «духовная» мать императора, ее сын Константин, умерший в 1095/6 г. обладал привилегиями соимператора и готовился к браку с дочерью Алексея I Анной Комниной, которая оказалась на воспитании Марии в женской половине дворца. В последние годы своей жизни она имела тесные связи с монастырями и представителями светской и церковной культуры, среди которых были Феофилакт Охридский, архиепископ Болгарии с 1088/9 г., занимавшийся воспитанием ее сына Константина Порфирогенета, Евстратий Никейский, посвятивший ей естественнонаучный трактат, философ Иоанн Итал, грузинский неоплатоник Иоанн Петрици. Феофилакт Охридский императрице Марии преподнес свои толкования на Евангелия от Марка и Луки [8, 101–102]. Императрица оказывала ктиторскую помощь монастырю Ивирон на Афоне и вместе со своей матерью аланкой Бореной помогали строительству монастыря Каппата в Иерусалиме [5, 142]. После смерти сына Константина около 1097 г. Мария удалилась в монастырь. Последнее упоминание об «августейшей царице Марте» сохранилось в актах церковного собора, созванного Давидом II в 1103 г. [8, 121] При раскопках монастырского комплекса середины XI в. на горе Папикион (Северная Македония, Греция) были найдены роспись с изображением донаторов матери и сына (предположительно Марии и сына Константина), в могиле погребенной обнаружен перстень-печатка с негативной надписью «Марии Вотаниты» [38, 199–212].

Мария Аланская поддерживала связи со своей матерью Бореной, которой приписывается духовное стихотворение на иконе, найденной в с. Ленджеря (Сванетия) [17, 194–195]; благотворительность была, видимо, традицией в царственной семье, поэтому связи экс-императрицы с интел-

лектуальными кругами Константинополя и монастырскими духовными центрами не является чем-то исключительным, об этом также свидетельствует судьба и деятельность еще одной аланки – Ирины, дочери экссуократора Алании, которая была двоюродной сестрой *автократориссы* Марии и женой севастократора Исаака Комнина, брата византийского императора Алексея I Комнина [1, 79–88].

Мария Аланская была представительницей трех культур: аланской, грузинской и византийской, причем последняя в ее жизни доминировала, что позволило «василиссе» сохранить политическое долголетие в годы острой борьбы за власть в империи. Она содействовала легитимации власти Никифора III Вотаниата и династии Комнинов. Однако для византийского общества, особенно интеллектуалов писавших о ней, Мария была «аланиссой», что, вероятно, отражало ее реальные связи с соотечественниками по матери. В этом контексте объяснимы многие факты присутствия алан в административно-политической и военной структурах Византийской империи во второй половине XII в.

1. Малахов С.Н. Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. М., 2015. 370 с.

2. Каухчишвили С.Г. Грузинские источники по истории Византии. Тбилиси, 1974. Т. I. 23 с.

3. Сабинин М. Полное жизнеописание святых грузинской церкви. В 3-х ч. СПб., 1872. Ч. II. 213 с.

4. Leib V. Nicéphore III Botaneiatès (1078 – 1081) et Marie d’Alanie // Actes du VI-e Congrès international d’études byzantines. Paris. 1950. Т. I. P. 129–140. (на франц. яз.)

5. Нодия П.М. Грузинские материалы о византийской императрице Марфе-Марии // Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978. С. 146–155.

6. Mullett M. The «Disgrace» of the Ex-Basilissa Maria // Byzantinoslavica. 1984. Vol. 45. P. 202–211.

7. Цулая Г.В. Отрок Шарукан Атрака Шараганис-дзе (К вопросу об антропонимическом источниковедении истории народов Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. 1984. Т. VIII. С. 186–205.

8. Garland L., Rapp Jr S.H. Mary ‘of Alania’: Women and Empress between two Worlds // Byzantine Women: Varieties of Experience AD 800–1200/ Edited by Lynda Garland. L.: United Kingdom Routledge, 2006. P. 91–124.

9. Ioannis Tzetzae Historiae / rec. P. A. Leone. Napoli, 1968. 332 p. (на латин. яз.).

10. Gautier P. La curieuse ascendance de Jean Tzetzes // Revue des Études Byzantines. 1970. Vol. 28. P. 207–220.

11. Ioannis Zonarae Epitome historiarum / ed. Th. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897. Vol. III.
12. Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. 191 с.
13. Матиане Картлиса / перевод, введение и примечание М.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1976. 101 с.
14. Комнина Анна. Алексиада / вступ. ст., перевод, комментарий Я.Н. Любарского. М., 1965. 688 с.
15. Багрянородный Константин. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. 493 с.
16. Летопись Картли / перевод, введение и примеч. Г.В. Цулая. Тбилиси, 1989. 112 с.
17. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. 392 с.
18. Острогорский Г.А. История Византийского государства / пер. с нем. М.В. Грацианский; ред. П.В. Кузенков. М., 2011. 895 с.
19. Каждан А.П. Внутриполитический кризис в конце XI и внешнеполитический разгром // История Византии. В 3-х т. М., 1967. Т.2. 471 с.
20. Shepard J. Aspects of Byzantine Attitudes and Policy towards the West in the Tenth and Eleventh Centuries // Byzantinische Forschungen. 1988. Bd.13. P. 67–118.
21. Nicephori Bryennii commentarii / rec. A. Meineke. Bonnae, 1837. (на латин. яз.).
22. Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and Wittermore Collection. Washington DC, 1973. Vol.3,2.
23. Morrisson C. Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1970. Vol.2.
24. Джавахов И.А. К вопросу о времени построения грузинского храма Атени // Христианский Восток. Кн.1. СПб., 1912. 401 р.
25. Аргун А.В. Вислая печать из привратной башни Анакопийской крепости // VI «Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье». Сборник материалов Международной археологической конференции (Краснодар, 31 мая–2 июня 2016 г.). Краснодар, 2016. С.4–10.
26. Chkhaidze V., Vinogradov A. The seal of Konstantinos, the son of the protoproedros and exousiokrator of all Alania (about 1065–1075) // ANTΧΑΡΙΣΜΑΤΟΣΕΠΙΣΦΡΑΓΙΣΙΣ. Юбилейный сборник в честь на 70-годовшнината на проф. д.и.н. Иван Йорданов. Шумен, 2029. С.182–193.
27. Малахов С.Н. Аланская митрополия в X–XVI вв.: историко-археологические очерки. Владикавказ, 2020. 631 с.
28. Annae Comnenae Alexiadis libri XV / Ed. L. Schopenus. Bonnae, 1839 – 1878. Vol. 2. (на латин. яз.).
29. Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. I. Teil. Kaiserhof. Wien, 1978. Bd. II/I. (на немец. яз.).
30. Spatharakis J. The Portrait in Byzantine Illuminated Manuscripts. Leiden: Brill, 1976. 287 p.

31. Лихачева В.Д. Искусство книги. Константинополь. XI век. М., 1976. 181 с.
32. Хускивадзе Л.З. Грузинские эмали. Тбилиси, 1981. 202 с.
33. Хускивадзе Л.З. Средневековые перегородчатые эмали из собрания Государственного музея искусств Грузии. Альбом (каталог). Тбилиси, 1984. 160 с.
34. Cheynet J.-C., Gokyildirim T., Bulgurlu V. Les sceaux byzantins du Musée Archéologique d'Istanbul. Istanbul, 2012. 1025 p. (на франц. яз.).
35. Чхаидзе В.Н. Византийско-абхазские и византийско-аланские связи по данным памятников сфрагистики // Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Татьяны Ивановны Макаровой. М., 2021. С.72–90.
36. Туаллагов А.А. Из истории аланской аристократии и государства // Nartamongæ. 2019. Т.ХIV. №1-2. С.135–220.
37. Zekos N. The Tomb of the Empress Maria Botaneiate on Mt.Papikon // Caucasia. 1998. Vol.1. P. 199–212.

Malakhov, Sergey N. – Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz, Russia); malakhoffserg@mail.ru

AUTOCRATORISSA MARIA OF THE ALANS IN THE SYSTEM OF DYNASTIC RELATIONS OF ALANIA, THE BYZANTINE EMPIRE AND GEORGIA.

Keywords: *Alania, Byzantine Empire, Georgia, autocrat Maria of the Alans, dynastic ties.*

Based on written and sphragistic materials, the article examines the main pages of the biography of the Byzantine Empress Maria of the Alans, who played an important role in strengthening the Alan-Byzantine and Georgian-Byzantine interstate ties in the second half of the XIth century. The autocratress Maria, the niece of the Alanian exsusiocrator Durgulele and the daughter of the Georgian king Bagrat IV, was known in Byzantine society as «alanissa». The reasons for assigning this ethnic name to her, which cannot be considered as erroneous, are considered. Maria of Alan retained her maternal cultural identity: in particular, she contributed to the expansion of Alan-Byzantine ties and the strengthening of the position of the Alan nobility in the ruling class of the Byzantine Empire. Maria actively participated in the legitimation of the Komnenos dynasty, the cultural and church life of Byzantine society. Rapprochement of Alanya, Georgia and Byzantium from the middle of the XIth - the beginning of the XII century. was predetermined by a single religion and the increased foreign policy threat from the Seljuk Turks. Matrimonial unions between the ruling dynasties of neighboring powers became the basis for the development of close military and political cooperation.

The relevance of the article is determined by the growing research interest in the problems of religious self-identification of the modern Ossetians on the basis of the religious affiliation of their ancestors. The novelty of the study is determined

by the involvement of new sources, in particular, sphragistic data. The purpose of the article is to identify the role of Mary of the Alans in strengthening the international relations of Orthodox states. Another aspect of interest is that for medieval societies, the active political participation of women, even with high social status, was not the norm. The fact that evidence of such activity of a woman has come down to us indicates her outstanding merits.

References

1. Malakhov, S.N. *Alaniya i Vizantiya: Istochnikovedcheskie aspekty politicheskikh i tserkovnykh svyazei* [Alania and Byzantium: Source study aspects of political and church relations]. Moscow, 2015. 370 p.
2. Kauhchishvili, S.G. *Gruzinskie istochniki po istorii Vizantii* [Georgian sources on the history of Byzantium]. Tbilisi, 1974, vol. I. 23 p.
3. Sabinin, M. *Polnoe zhizneopisanie svyatykh gruzinskoï tserkvi. V 3-kh ch.* [Full biography of the saints of the Georgian church. In 3 parts]. St. Petersburg, 1872, part II. 213 p.
4. Leib, V. *Nicéphore III Botaneiatès (1078–1081) et Marie d’Alanie* [Nicephorus III Botaneiates (1078–1081) and Mary of Alania]. *Actes du VI-e Congrès international d’etudesbyzantines* [Proceedings of the VI International Congress of Byzantine Studies]. Paris. 1950, vol.I, pp. 129–140. (in French).
5. Nodiya, P.M. *Gruzinskie materialy o vizantiiskoi imperatritse Marfe-Marii* [Georgian materials about the Byzantine Empress Marthe-Maria]. *Vizantinovedcheskie etyudy* [Byzantine Studies]. Tbilisi, 1978, pp. 146–155.
6. Mullett, M. The «Disgrace» of the Ex-Basilissa Maria. In: *Byzantinoslavica*. 1984, vol. 45, pp. 202–211.
7. Tsulaya, G.V. *Otrok Sharukan Atraka Sharaganis-dze (K voprosu ob antroponimicheskoi istochnikovedenii istorii narodov Kavkaza)* [Lad Sharukan Atraka Sharaganis-dze (On the issue of anthroponymic source studies of the history of the peoples of the Caucasus)]. *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. 1984, vol. VIII, pp. 186–205.
8. Garland, L., Rapp Jr S.H. *Mary ‘of Alania’: Women and Empress between two Worlds. Byzantine Women: Varieties of Experience AD 800–1200/* Edited by Lynda Garland. L.: United Kingdom Routledge, 2006, pp. 91–124.
9. Leone P.A. (ed.). *Ioannis Tzetzae Historiae* [History of John Tzetza]. Napoli, 1968. 332 p. (in Latin).
10. Gautier, P. *La curieuse ascendance de Jean Tzetzes*. In: *Revue des Études Byzantines*. 1970, vol.28, pp. 207–220.
11. Büttner-Wobst Th. (ed.). *Ioannis Zonarae Epitome historiarum*. Bonnae, 1897. Vol. III.
12. Kazhdan, A.P. *Armenyane v sostave gosподstvuyushchego klassa Vizantiiskoi imperii v XI–XII vv.* [Armenians as part of the ruling class of the Byzantine Empire in the 11th-12th centuries]. Erevan, 1975. 191 p.

13. *Matiane Kartlisa* [Matiane Kartlisa]. Translation, introduction and note by M.D. Lordkipanidze. Tbilisi, 1976. 101 p.
14. *Komnina Anna. Aleksuada* [Komnena Anna. Alexiad]. Introductory article, translation, commentary by Ya.N. Lyubarsky. Moscow, 1965. 688 p.
15. Litavrina G.G., Novoseltsev A.P. (eds). *Bagryanorodnyi Konstantin. Ob upravlenii imperiei* [Porphyrogenitus Constantine. About the management of the empire]. Text, translation, comment. Moscow, 1989. 493 p.
16. *Letopis' Kartli* [Annals of Kartli]. Translation, introduction and notes by G.V. Tsulaya. Tbilisi, 1989. 112 p.
17. Kuznetsov, V.A. *Ocherki istorii alan* [Essays on the history of the Alans]. Vladikavkaz, 1992. 392 p.
18. Ostrogorskii, G.A. *Istoriya Vizantiiskogo gosudarstva* [History of the Byzantine state]. Translated from the German language M.V. Grazian; Ed. P.V. Kuzenkov. Moscow, 2011. 895 p.
19. Kazhdan, A.P. *Vnutripoliticheskii krizis v kontse XI i vneshnepoliticheskii razgrom* [The domestic political crisis at the end of the XI and foreign policy defeat]. *Istoriya Vizantii. V 3-kh t.* [History of Byzantium. In 3 vols]. Moscow, 1967, vol.2. 471 p.
20. Shepard, J. Aspects of Byzantine Attitudes and Policy towards the West in the Tenth and Eleventh Centuries. In: *Byzantinische Forschungen*. 1988. Bd.13, pp. 67–118.
21. Meineke A. (ed.). *Nicephori Bryennii commentarii* [Commentaries of Nicephorus Bryennius]. Bonae, 1837. (in Latin).
22. Grierson, P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and Wittemore Collection. Washington DC, 1973, vol.3,2.
23. Morrisson, C. Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1970, vol.2.
24. Dzhavakhov, I.A. *K voprosu o vremeni postroeniya gruzinskogo khrama Ateny* [To the question of the time of the construction of the Georgian temple of Athena]. *Khristianskii Vostok* [Christian East]. St. Petersburg, b.l., 1912. 401 p.
25. Argun, A.V. *Vislaya pechat' iz privratnoi bashni Anakopiiskoi kreposti* [Visla seal from the gate tower of the Anakopian fortress]. *VI «Anfimovskie chteniya po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Problemy izucheniya pogrebal'nogo obryada narodov Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e». Sbornik materialov Mezhdunarodnoi arkheologicheskoi konferentsii (Krasnodar, 31 maya–2 iyunya 2016 g.)* [VI «Anfimov readings on the archeology of the Western Caucasus. Problems of studying the funeral rite of the peoples of the Western Caucasus in antiquity and the Middle Ages». A collection of materials of the International Archaeological Conference (Krasnodar, May 31 - June 2, 2016)]. Krasnodar, 2016, pp. 4–10.
26. Shkhaidze, V., Vinogradov, A. The seal of Konstantinos, the son of the protoproedros and exousiokrator of all Alania (about 1065–1075). In:

ΑΝΤΧΑΡΙΣΜΑΤΟΣ ΕΠΙΣΦΡΑΓΙΣΙΣ. *Yubileen sbornik v chest na 70-godishninata na prof. d.i.n. Ivan Iordanov* [Jubilee collection in honor of the 70th anniversary of Prof. D.I.N. Ivan Yordanov]. Shumen, 2009, pp. 182–193.

27. Malakhov, S.N. *Alanskaya mitropoliya v X–XVI vv.: istoriko-arkheologicheskie ocherki* [Alanian Metropolis in the X–XVI centuries: Historical and archaeological essays]. Vladikavkaz, 2020. 631 p.

28. Schopenus L. (ed.). *Annae Comnenae Alexiadis libri XV*. Bonnae, 1839–1878, vol. 2. (in Latin).

29. Seibt, W. *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich* [The Byzantine lead seals in Austria]. Wien, 1978. Bd. II/I. (in German).

30. Spatharakis, J. *The Portrait in Byzantine Illuminated Manuscripts*. Leiden, Brill, 1976. 287 p.

31. Likhacheva, V. D. *Iskusstvo knigi. Konstantinopol'. XI vek* [The art of the book. Constantinople. XI century]. Moscow, 1976. 181 p.

32. Khuskivadze, L.Z. *Gruzinskie email* [Georgian enamels]. Tbilisi, 1981. 202 p.

33. Khuskivadze, L.Z. *Srednevekovye peregorodchatye emali iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya iskusstv Gruzii* [Medieval blocked enamels from the collection of the State Museum of Arts of Georgia]. Album (catalog). Tbilisi, 1984. 160 p.

34. Cheynet, J.-C., Gokyildirim, T., Bulgurlu, V. *Les sceaux byzantins du Musée Archéologique d'Istanbul* [The Byzantine seals of the Archaeological Museum of Istanbul]. Istanbul, 2012. 1025 p. (in French).

35. Chkhaidze, V.N. *Vizantiisko-abkhazskie i vizantiisko-alanskije svyazi po dannym pamyatnikov sfragistiki* [Byzantine–Abkhaz and Byzantine–Alanic ties according to the data of the monuments of spraying]. *Srednevekovye iskusstva i remesla. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Tat'yany Ivanovny Makarovoi* [Medieval arts and crafts. On the 90th birthday of Tatyana Ivanovna Makarova]. Moscow, 2021, pp. 72–90.

36. Tuallagov, A.A. *Iz istorii alanskoj aristokratii i gosudarstva* [From the history of the Alan aristocracy and the state]. Nartamongæ. 2019, vol. XIV, no. 1–2, pp. 135–220.

37. Zekos, N. The Tomb of the Empress Maria Botaneiate on Mt.Papikon. In: *Caucasica*. 1998, vol.1, pp. 199–212.